

стное выглядело чем-то совершенно новым. Весь полтора-часовой монолог звучал так, как это бывает с очередным исполнением классического произведения, если это исполнение совершенно.

Бартошевич, в принципе, человек монолога. Должен же он был вобрать в себя что-то из той эпохи, которой занимается всю жизнь. Секрет его обаяния в том, что собеседником монолог воспринимается как диалог. И я знаю, почему это так. Дело в том, что Бартошевич интеллигентен. Не той интеллигентностью, какая в массовом сознании стала синонимом образованности или вежливости, а той — исчезающей, истинной, генетически заданной. От нее и способ общения Алексея Вадимовича с людьми: "дворянское чувство равенства с каждым", доброжелательность, полное отсутствие агрессии и нервозности. На любое профессиональное собрание приходит не после, а до начала и терпеливо, безо всякого укора, ждет солидных и несолидных, но тоже запаздывающих коллег. Кстати, хотелось бы знать, сделал ли когда-нибудь Бартошевич резкое замечание студенту, опаздывающему, не выполняющему свои обязанности, и проч.? Уверена — нет. Студентам с Бартошевичем повезло. Им с ним — при всем уважении и восхищении — просто. Он авторитет, но при этом не недоступный. Ему можно задать вопрос прямо во дворике ГИТИСа или по дороге домой, можно подойти к нему в театре, да и спросить, как ему, собственно, данное зрелище, а если ты не согласен, то, между прочим, и возразить. Впрочем, любовь Бартошевича к студентам, всего лишь еще один повод для любви к нему — и студентов, и коллег.

Елена Хайченко

С Алексеем Вадимовичем Бартошевичем я познакомилась много лет назад в ситуации довольно экстремальной: по субботам в 8.30 утра (!) наш театроведческий курс собирался в подвальной аудитории ГИТИСа, чтобы послушать его лекции о предшественниках Шекспира. Ни до, ни после нас, насколько мне известно, Бартошевич не читал этот курс, с такой полнотой раскрывая перед своими слушателями "мощь Марло, буйство Кида, сладость Лили". Тетрадка с конспектом тех лекций у меня сохранилась, и хотя многое было потом услышано, прочитано, увидено, яркость этих первых впечатлений ничуть не потускнела.

Существует такое понятие: "поэзия педагогики". Педагогика Бартошевича — это не только поэзия, но и театр. И дело тут совсем не в том, что, взойдя на кафедру, он лицедействует, чрезвычайно эмоционально преподнося свой материал. Дело в том, что саму историю театра он интерпретирует как драму, полную напряженных конфликтов, возвышенных страстей, ярких запоминающихся характеров. Вообще мне кажется, что слово "театр" — определяющее в жизни Бартошевича. И потому, что он родился в театральной семье под сенью Художественного театра. И потому, что получил театроведческое образование. И потому, что вот уже сорок лет занимается театральной педагогией. И потому, что такую почтенную науку, как шекспироведение, перенес на прочные сценические рельсы. Посвятив свою кандидатскую диссертацию комедиям Шекспира, во всех последующих своих рабо-

тах Бартошевич прочно соединил Шекспира с театром, исторической реальностью двадцатого века. Благодаря этим книгам мы ощущаем Шекспира современником — современником театра эпохи Бартошевича. Ведь для тех, кто учился у..., работал с..., формировался под влиянием..., Бартошевич — это действительно целая эпоха нашей жизни.

Сергей Женовач

Алексей Вадимович Бартошевич — для меня прежде всего педагог и учитель, замечательный мастер своего дела. И не только для меня, но для всех тех, у кого он читал и читает лекции по истории зару-

вич — представитель Шекспира у нас, в России. Шутка шуткой, но его преданность одному автору, преклонение перед ним, действительно вызывают уважение. И такой преданностью его взгляд на Шекспира отнюдь не сужается. Бывают, наверное, периоды, когда он от Шекспира и отстает. Но вместе с тем он неизменно движется в пространстве Шекспира. Я даже не очень представляю, как у человека могут сохраняться в памяти все виденные им за жизнь "Гамлеты" и "Короли Лир", "Двенадцатые ночи" и "Укрощения строптивой", и при этом не теряется собственное впечатление от пьесы.

Еще одно амплуа Алексея Вадимовича — действующий театральный критик. Я помню,

Сейчас мой актерско-режиссерский курс учится в ГИТИСе параллельно с театроведческим курсом, набранным Алексеем Вадимовичем Бартошевичем и Видасом Юргевичем Силуанасом. Алексей Вадимович и его ученицы не пропускают ни одного показа моего курса; дважды в год, каждую сессию — они у нас, на третьем этаже ГИТИСа. Я тоже был на их курсе, общался со студентками. И надо сказать, увидел неподдельный интерес Алексея Вадимовича к тому, какое поколение приходит.

Алексей Вадимович умеет влюбляться, сочинять, фантазировать; в театре ведь без воображения невозможно! А дальше всем нам, про кого он пишет статьи, кому он читает

бежного театра, в том числе, для студентов режиссерского факультета ГИТИСа, прошлых и нынешних.

Мы учились в то время, когда практически не было видеокассет с записями спектаклей великих режиссеров. Эти спектакли мы видели глазами Бартошевича. Историю западного театра он читал нам, с моей точки зрения, блистательно, в присутствии ему интеллигентной, неброской манере. Вроде как спокойно повествует лектор об античном театре или о Шекспире, но в какой-то момент становится очевидно, что сам он уже видит некую иную реальность, сочиненный им собственный спектакль. И тут что-то в нем загорается, он начинает громче говорить, в нем просыпается артист. Удивительно тонкий артистизм Бартошевича нас всегда покорял. Это рождалось изнутри, тут не было расчета на эффект.

На своих лекциях Бартошевич именно творил спектакли, театроведчески их воссоздавал, зрительно сочинял. Ведь любой спектакль — только повод для наших ассоциаций, он и возникает во многом благодаря публике. А Бартошевич — талантливый, уникальный зритель.

Если на лекции Бартошевич рассказывал о "Макбете", то нам, режиссерам, хотелось сегодня разбирать и ставить именно "Макбета". Говорил о "Сне в летнюю ночь" — все рвались заниматься только им. И никогда Алексей Вадимович не навязывал никому своей точки зрения на пьесу. Только помогал молодым режиссерам войти в мир образов автора, вычитывать из пьесы спектакль, видеть его за буквами текста. Уроки на всю жизнь.

Ходит шутка, что Бартоше-

когда вышел мой первый спектакль по Шекспиру — "Король Лир" в Театре на Малой Бронной, Бартошевич, естественно, пришел на премьеру, а спустя несколько дней я встретил его на улице Герцена, и он сказал: "Я написал статью". Для меня это было событием в жизни. Он не сказал: "Мне понравился спектакль" или "Мне не понравился спектакль", он сказал только "Я написал статью". И я ждал именно статьи, что сегодня происходит очень редко. Сейчас тебя стараются или поддержать-похвалить, или упрекнуть, что все неинтересно и скучно. Здесь же была именно Статья.

Бартошевич вообще не злоупотребляет оценочными категориями. Он не судит показанное, он его воспринимает. От его восприятия можно отсчитывать, по нему корректировать. По Бартошевичу сверяешь многое.

Когда в последний раз игрался тот же наш "Король Лир", Бартошевич снова пришел и заметил, что спектакль в той форме, которая позволяет ему еще долго идти, но мы прощаемся с ним по-лировски, на взлете. Это мог заметить только человек, тонко чувствующий Шекспира, лировскую природу: мысль равна поступку.

При всей авторитетности мнения Алексея Вадимовича, с ним очень легко общаться, нет ощущения недосягаемости. Он умный, тонкий, ненавязчивый, иногда застенчивый человек. У меня не было с ним длительных встреч, я никогда не вел с ним долгих бесед, не был у него в гостях, но есть чувство, что я много с ним общался. Если случайно сталкиваешься с Бартошевичем, то не бывает общих и лишнего слов: можно говорить о том, что интересно и важно.

лекции, у кого ведет семинары по критике, хочется соответствовать его воображению. Это, мне кажется, свойство очень мощной личности.

Марина Давыдова

Не знаю, как теперь, но в годы моей студенческой юности все лекторы ГИТИСа делились на умных, глупых, вредных, добрых и Алексея Вадимовича Бартошевича. К остальным ходили получать знания (иногда действительно получали), к нему — так, как ходят в театр на любимого артиста, обладающего кроме обаяния (конечно же, неотразимого) и интеллекта (разумеется, могучего) еще и даром импровизации. В том, что лекции Бартошевича — вдохновенная импровизация, мы были уверены все первые годы обучения. Почему в те годы никому не приходило в голову написать на эти лекции какую-нибудь рецензию, я решительно не понимаю. "А потом он подошел к окну и сверкнул глазами... Отошел и лукаво прищурился...". В аудитории из стены торчал крюк — занятия проходили в бывшем балетном классе, и когда-то на этом крюке лежал станок. Крюк становился полноправным участником представления. В порыве вдохновения почтенный ученый подбегал к нему, хватался, раскачивался на нем. Мы замороженно записывали в тетради особенности устройства общедоступного театра в елизаветинской Англии. Это было потрясающе!

Потом старшекурсники открыли страшную тайну. Вот точно так же, с такими же пробежками и прищурами год назад Бартошевич читал лекцию им, а еще раньше тем, кто был

до них. Это была не импровизация, а точный, почти математический расчет. Все крещендо были продуманы. Все кульминации отрететированы. Так искусный лицедей делает вид, что подчиняется импульсам и порывам, на самом деле держа все под контролем. В эти дьявольски расставленные сети попадал почти наверняка. Все-таки гены — так ли, сая ли — дают о себе знать.

Те студентки (всех немногочисленных студентов очень быстро забрали в армию), которые не трепетали при виде Алексея Вадимовича Бартошевича, обычно плохо учились и были глубоко равнодушны к прекрасному. Интеллектуально одаренным девушкам влюбленность в него была обеспечена, как людям с ослабленным иммунитетом грипп в начале марта.

Прекрасный театровед, сумевший убедить нас, что театроведение — это наука, а не фикция, тонкий и наблюдательный критик (я не знаю, кто лучше, чем он, может считывать интерпретации шекспировских постановок), автор чудесных книжек. Мы любили за то, что он навсегда заставил поверить нас: театр начинается с лекции. Лекция — с любви к театру.

IV театроведческий курс РАТИ (ГИТИСа)

Когда мы учились на первом курсе, Алексей Вадимович с Видасом Юргевичем устраивали для нас коллективные выходы в театр. Наши знакомые, наблюдавшие это, очень веселились: "Выходишь в фойе, а там стоят кучкой взволнованные девочки, и над ними витеет: "Бартоше... Бартоше... Бартоше...". Сразу ясно — пришли мэтры и их миллиметры". "Может, и миллиметры, — отвечали мы, — зато самые-самые первые". И с этим фактом никто не мог поспорить. Нам, как самым первыми, досталась огромная педагогическая любовь и все педагогические ошибки. Нас баловали, с нами носились. В сумке Алексея Вадимовича, где бы он ни был — в театре, на конференции, в ночном поезде "Красная стрела", который везет московских критиков на "Балтдом", — всегда имела пачка наших курсовых работ. И кому только ни доводилось читать ученические опусы. Надо бы сказать этим людям, что нас многому научили с тех пор, правда.

На первом курсе казалось, что у нас море времени, — а оно взяло и незаметно прошло. До диплома рукой подать, и наши мэтры, для которых мы бы хотели быть единственными учениками, собираются набирать новый курс. Ну, мы не ревнуем. Не очень... Очень, очень! Но сами они останутся для нас единственными. Мы же помним, какое это было счастье — достать у букинистов на Старом Арбате книгу Бартошевича "Шекспир. Англия. 20 век". Смотреть на Алексея Вадимовича, когда он вдохновенно "беседует с тенью Шекспира и собственной тенью". Просачиваться вместе с ним на все лекции, спектакли и фестивали. И просто быть рядом.

Материал подготовила
Мария ХАЛИЗЕВА
● А.В. Бартошевич
со студентами